

1

ГЛАВА

Впервые я услышал его, когда мне было лет шесть. Я смотрел в отгрохотавшее небо и через него — или от него — услышал этот звон. Он был так мягок и тих, что я едва его различал, но с каждым днём, с каждым месяцем он становился всё громче. Он звучал почти рядом. А вскоре мы слились воедино. И не было дня, чтобы я не слышал его. Этот звон уже не успокаивал, как раньше, он разрывал на части: моё тело, мою голову, меня в моей голове. Жизнь стала болью, боль была невыносимой. Она сковывала и терзала, с каждым днём убивая меня.

Этот колокол в голове — моё неизлечимое проклятие. С ним я встречаю рассвет и провожу каждый вечер. От него не убежишь, его не обезвредишь, с ним можно только научиться жить.

Вечером должна зайти Маргарет, она привезёт очередное лекарство; в нём не будет толка, но я скажу, что слегка полегчало, она улыбнётся, а потом поймёт, что я вру. Маргарет отведёт меня в ванную комнату, усадит в чугунное корыто

и начнёт поливать мою голову горячей водой, а я, стиснув зубы, попытаюсь не кричать, чтобы не пугать её. Вскоре всё закончится. Меня будет знобить ещё около часа, а после я опять стану собой — до следующего утра. Так и проходит моя жизнь, в которой всё очерчено от боли до боли, всё уходит от неё и приходит к ней же. Впрочем, как и у каждого, впрочем, чем я не каждый.

Месяц назад Маргарет решила, что море лечит меня.

— Море всех лечит, — говорила она. — Я увезу тебя в Сен-Мало, там невероятная красота.

Я не помню, как мы познакомились; я вообще мало что помню. С каждым годом всё меньше. Очередной доктор, на которого я сменил предыдущего, сказал, что из-за этой мигрени отмирает мой мозг. Не весь, только некоторые его участки, тем временем другие его части активируются ещё сильнее, так что я могу не переживать.

— Вы только не переживайте, — повторил он, глядя в мою карту, — но, по-видимому, вы стали терять память; я выпишу вам лекарство.

Все мои лекарства в ящиках аптекарского стола. Не помню, откуда у меня этот стол, — моему, квартиру я снял уже с ним. Здесь было всё, что только могла придумать медицина: таблетки, разгоняющие кровь, таблетки, успокаивающие нервы, таблетки, разгоняющие нервы и успокаивающие боль. Ничего не помогало.

Я посмотрел на часы — без пяти шесть. Боль никогда не опаздывала; она, как смерть, приходила секунда в секунду. Когда я сказал врачу, что эта колокольная мигрень накатывает на меня два раза в сутки, утром и вечером ровно в шесть, тот посмотрел на меня, как на психа, и выписал успокоительное.

— Вот, это поможет вам успокоиться, — сказал он, отдавая рецепт.

Но я и так был спокоен, я вообще не подавал никаких признаков беспокойства, как было указано в длинной инструкции. Она, как и таблетки, отправилась в мусор.

— Что за дрянь тебе выписали? — спросила Маргарет, когда увидела нетронутую упаковку в ведре. — Они же знают, что ты не псих? Тебе нужно сменить врача.

Я сказал, что в городе уже не осталось докторов.

— Мы уезжаем из этой дыры. Собирай вещи, — сказала она.

Боль опять подступала, и я уже хуже слышал её голос. Маргарет расхаживала по квартире, собирая мой чемодан.

— Тебе нужна эта шляпа? — спросила она, вертя в руке походную панаму.

Я купил её, когда один из докторов, исписав несколько листов моей больничной карты, посоветовал мне чаще гулять в лесу.

— Свежий воздух — это кислород, а у вас внутричерепное давление, молодой человек; нельзя сидеть в четырёх стенах. Нехватка воздуха, удушье, мигрень, а что дальше? — Он смотрел на меня так, будто это я должен был ответить, что дальше. — А дальше проблемы с памятью. — Вот тут он как в воду глядел.

Тогда я купил походный костюм и вот эту панаму.

— Гуляйте по лесу, слушайте птиц. Потеряйте счёт времени. Вы ждёте свою мигрень к определённом часу, это уже психическое. Неудивительно, что она приходит. Вам нужно выйти в лес и забыть, который час.

Было ровно шесть вечера, когда я свалился у ели, слушая, как дятел стучал своим клювом о древесный ствол. Земля тогда была ужасно холодная — она промерзала весь день, будто специально ожидая, когда я зароюсь в неё головой. Я упёрся горячим теменем в торчащие из-под земли высокие корни. Тогда-то я и потерял счёт времени; сознание я тоже потерял. Пришёл в себя через час — муравьи кусали шею.

Маргарет упаковывает чемоданы. Я слышу колокол. Вижу Маргарет, она что-то говорит. В такие моменты она будто другая, моя Марга-

рет, — её лицо, глаза, всё её, только она словно другая. Снимает с меня одежду, я шаркаю по холодному полу, спотыкаюсь о высокий порог, залезаю в ванну, она ругает себя, что упустила время, включает кран. Холодная вода. Меня знобит. Ждём, когда нагреется котёл. Горячая. Почти кипяток. Маргарет массирует мне голову своими длинными сильными пальцами. Забирается ко мне, садится сзади так, чтобы я мог облокотиться на неё, обнимает ногами, я вцепляюсь ей в ногу; слышу, как она сдерживает крик. Завтра там будет синяк.

Прости меня, Маргарет.

Она укладывает меня в постель, укрывает ватным одеялом и ложится рядом. В ванной ещё не выключен кран; Маргарет слышит, как льётся вода, но не встаёт с постели. Я знаю, что она плачет, и сделать ничего не могу.

Ночь, как всегда, спокойна, ночью не слышно звона, вот бы не просыпаться вообще...

— Тебе нужно отдохнуть, — произносит Маргарет, — завтра тяжёлый день.

— Мы и правда едем в Сен-Мало?

— Правда. До порта два часа на автобусе, а потом ещё...

Она что-то говорит.

Я закрываю глаза.

Слышу колокол.

Утро.

2

ГЛАВА

— Море сегодня беспокойно, сэр, — сказал штурман, зайдя в нашу каюту.

— Нестрашно. Как скоро мы прибудем? — спросил я.

— Через четыре часа.

Он остановил на мне свой взгляд. Ему нужно было обойти все каюты, но штурман не двигался с места. Наверное, вид у меня был не очень.

— Вам нехорошо? — всё же спросил он. — В соседней каюте есть врач. Точнее, не то чтобы врач, он ветеринар, но лечит преимущественно лошадей, а лошади, собственно, чем не люди...

На меня накатывала дрожь.

— Всё в порядке, — перебила его Маргарет, — нам не нужен ни врач, ни ветеринар. У него морская болезнь.

Штурман, не раз видя морскую болезнь во всяком её проявлении, недоверчиво посмотрел на меня, кивнул и вышел.

— И почему люди думают, что могут спрашивать всё, что вздумается? — ворчала Маргарет. —

Нет, ты видел, как он посмотрел на меня? Как будто я вру. Если я сказала, что у нас морская болезнь, значит, у нас морская болезнь.

Она часто говорила «у нас»: у нас выходной, у нас день рождения, и болезнь моя, видимо, тоже была у нас...

Как много я отдал бы за морскую болезнь! Хоть большую, хоть небольшую, чтобы меня выворачивало, как рваный носок, чтобы полоскало по всей палубе, чтобы проклинал я всех и ненавидел вся, чтобы еле дожил до берега... Я бы променял на что угодно свою мигрень. Но море любило меня, и это было взаимно.

Маргарет ходила из стороны в сторону по и без того узкой каюте.

— Сядь, Марго, ты раскачиваешь палубу, — хотел я пошутить, но по её взволнованному лицу понял, что сейчас для этого не время.

Как-то один из докторов сказал ей, что я могу закончить инсультом. Вот так вот, в любой момент — точнее, не в любой, а во время мигрени. И хоть Маргарет и не верила докторам, но та фраза засела в ней надолго. Она боялась, что я умру. Я каждый раз это видел по волнению, которое она не могла скрыть.

— Успокойся, пожалуйста, — сказал я, но изо рта моего вышло что-то несвязное. Я стал хуже говорить, значительно хуже. Во время этих мигреней что-то заклинивало в мозгу. Я делал вид,

что не замечал этого, а Маргарет, думая, что я не заметил, также не подавала виду. Но по её глазам я всё понимал.

Без пяти шесть.

Маргарет была безоружна, никакой тебе горячей воды. Она вложила мне в руку аспирин, а я знал, что он не поможет.

В голове стучало... Или это стучали в дверь?

— Зайдите позже! — крикнула Маргарет.

За дверью не отвечали и продолжали стучать.

— Зайдите позже, пожалуйста!

Стук не прекращался.

Маргарет открыла. В каюту ввалился мужчина. От него разило спиртным, а ещё какой-то животиной; он еле держался на ногах. Я не сразу понял, что он качается, — я думал, что это каюта или меня штормит, но нет, это его штормило самого по себе. Ноги его разъезжались по полу; он пытался облокотиться о дверь, тут корабль качнуло, и мужчина упал на меня, навалился прямым, как мешок с навозом. Пахло от него примерно так же.

— Я прошу меня извинить, — сказал он.

Фляжка выпала у него из рук; он пытался до неё дотянуться, но безуспешно. У меня разболелась переносица. Обычно мигрень начиналась с неё; сейчас дойдёт и до глаз, потом до висков, и опояшет, будто кольцом для средневековых пыток, всю мою тяжёлую голову. Будет сжимать её и сжимать, и трезвонить, убивая последние клетки и без того истощённого мозга.

— Да что вы себе позволяете, — крикнула Маргарет, оттаскивая его от меня, — вы же пьяны!

— Прошу меня извинить, — бормотал мужчина, — я абсолютно трезв!

— Оно и видно...

— Я, между прочим, доктор. Я лечу лошадей... — Он выпустил протяжную отрыжку. — А опьянел я от страха, — и перешёл на шёпот, — я страх как боюсь воды.

— Пожалуйста, вернитесь в каюту, — чуть не плача, просила Маргарет.

— Я не могу, мадемуазель, я боюсь утонуть...

— А с нами не боитесь?

— Нет, с вами не боюсь, вы не должны утонуть. А вот меня столько раз выбрасывало за борт! Один раз это было... — Он задумался. — Вас ещё тогда и в помине не было, а меня чуть не скормили акулам. Второй раз я только прогуливался по палубе, как вдруг ни с того ни с сего... Видит дьявол, море ненавидит меня.

— Пить надо меньше! — сказала Маргарет.

— Вот в этом вы правы. — Он приподнял фляжку. — Ваше здоровье, — и опрокинул её себе в рот.

— Корабль скоро причалит; шли бы вы уже к себе, доктор. — Она покосилась на него.

— Лучше я здесь посижу. Капитан, как пить дать, собьётся с курса... такая погода, как тут не сбиться, сегодня безбожный туман...

— Я всё же настаиваю, — упорствовала Маргарет.

— Брось, Марго, пусть остаётся, — простонал я.

— Спасибо, молодой человек... Да хранит вас Бог, хоть его ещё никогда не было там, где был я, и, значит, на этой посудине его тоже нет, но он видит, как я вам благодарен. — Наш сосед ударил себя кулаком по груди и выпустил перегарный дух. — Ой, — он посмотрел на меня и скривил лицо, — тоже похмелье?

— Мигрень, — сказал я.

— Мигре-е-ень, — протянул он. — Значит, и вы туда же?

— Куда же?

— Тоже приехали лечиться? Известная байка — море всех лечит. Бедолага, — он похлопал меня по спине, — как мучается... У меня где-то были таблетки... правда, не от мигрени, а от боли в суставах, и не для людей, а для лошадей. Когда-то у меня была лошадь. Но какая, собственно, разница... Вам принести?

— Да, принесите, — сказала Маргарет и стала тянуть его за руку. — Принесите! — Она еле оторвала его от кушетки и вытолкнула за дверь.

— Но позвольте, — успел только возмутиться он, когда дверь перед его носом закрылась.

Этот ветеринар проговорил мне всю мигрень — я словно прокрутил её на быстрой пере-

мотке и сам не заметил, как она прошла. Может, опять его пригласить...

— Он не говорил, в какой гостинице остановится? — спросил я.

— Ещё чего не хватало, — фыркнула Маргарет.

— Жаль, я бы хотел с ним поболтать...

Марго посмотрела на меня с недоверием, но, видно, списала всё на болезнь.

— Ты сможешь найти его по амбре, — сказала она.

Море штормило ещё пару часов; оно билось о борт корабля, креня трескучее судно, качало каюту и нас вместе с ней. Там за стенкой качался ветеринар, он нещадно бился о смежную стену и каждый раз проклинал чью-то мать. Мы держали скользящие стулья, подпирали собою кровать. Вскоре всё подозрительно стихло — так же резко, как и началось.

Поднявшись на мокрую палубу, мы увидели изнемогших матросов и такого же уставшего кэпа. Туман рассеялся. Показался остров с призраками еле заметных домов. Во многих уже погасили свет. На нас смотрел старый маяк из красно-белого камня; он звал своим дымчатым светом, будто приглашая к себе. У берега — скопище лодок и яхт; они покачивались и шумели, тесня и толкая друг друга. Шторм дошёл и до здешних мест. Вскоре мы спустились на берег.

3

ГЛАВА

Маргарет выбрала номер с видом на залив и лес из мачт. От берега уже отчалила пара бермудских парусников; они покачивались на воде, оставляя дыру в стройной шеренге пришвартованных яхт.

Сегодня я решил не будить её и потому ещё ночью отключил будильник. Незачем ей просыпаться так рано. Сегодня мигрень убивала только меня одного, а Маргарет, укутавшись в льняное одеяло, сверкала из-под него розовыми пятками, то показывая, то пряча их.

Вода медленно стекала горячим водоворотом в проржавевший сток, оставляя лишь облако пара под слезящимся потолком. Просидев ещё с полчаса в остывающей ванне, я оделся и спустился вниз. Консьерж дремал, телевизор за стойкой вещал об утренних новостях. Я решил прогуляться по порту, пока толпы туристов не заполнили все улицы.

Не успел я дойти до дверей, как услышал шевеление в холле. Так и есть, за одним из

диванов торчали чьи-то ботинки, чёрные, лакированные, с развязанными шнурками, что чёрными пиявками расползлись по плитчатому полу; дальше такие же чёрные носки и задранные брючины, постыдно оголяющие волосатые мужские ноги.

Точно, это был он.

— Месье, — я подошёл ближе, — месье, вставайте. — Слегка задел его ногу.

Он поморщился и приоткрыл один глаз.

— Что такое?

— Вы что, заснули в холле?

— О, — ветеринар приподнялся на локте, — мой дорогой друг... Как ваша мигрень?

— До вечера я от неё свободен.

— Это не может не радовать. Не так ли?

— Вы же знаете, что спите посреди холла? — уточнил я, оглядываясь по сторонам.

— Ну и что? — Мой новый знакомый протёр глаза. — Этот, за стойкой, ведь тоже спит...

Указав на консьержа, он принял сидячую позу и стал медленно, вдумчиво зашнуровывать ботинки.

— Почему вы не поднялись в номер?

— Вы представляете, какая незадача... Этот, пардон, идиот, сказал, что я здесь не живу. — Он встал и начал отряхивать штаны. — Этот дурень сказал, что все номера уже заняты, и тот, который был якобы моим, — в том числе. Он так

и сказал «якобы ваш», как будто я вру. Зачем я, по-вашему, прибыл сюда, чтобы спать на полу?

— И правда, какая-то чушь...

— Вот вы же мне верите?

— Верю.

— А он не поверил, гад... Нет, говорит, у нас вашей брони, и всё тут. На что я сказал, что не сдвинусь с этого места, и лёг на диван. А вот как я упал с дивана — этого, честно сказать, не припомню.

— Вы так и останетесь здесь?

— Ещё чего! Чтобы смотреть на его сонную рожу? — Он скривил свою не менее сонную. — Найду местечко получше. Не прогуляетесь со мной?

Я был рад хоть какой-то компании.

Одни узкие улочки переходили в другие. Мы поднимались и спускались по каменным лестницам, проходя под высокими арками, меж фальшивых пиратов с ручными попугаями и хлебных лавок со сладкой выпечкой, от запаха которой невольно причмокивал рот. Я уже запутался в домах, и если б меня попросили вернуться в гостиницу, то пришлось бы сначала выйти к морю, а уж потом идти по знакомой дороге. Буклет, который я взял со стойки консьержа, оказался пустышкой. По моим расчётам, мы шли на запад, а здесь тех домов и вовсе не было.

тельно, но этот человек будто и не смотрел на номера домов, не боясь ни тупиков, ни подворотен. Высокие шпили сменялись ещё более высокими стенами, казалось, всё ещё защищавшими остров от возможного вторжения врагов.

— Там тупик, — сказал ветеринар перед одним из замков и, скрипнув ботинками, резко повернул направо. — Нам сюда, — заторопился он.

Я еле поспевал за ним, уже задыхаясь.

— Я думал, мы достопримечательности посмотрим...

— А мы и смотрим, — удивился он. — Вот, пожалуйста, слева от вас — знаменитая крепость... Сюда, пожалуйста, — и повернул меня, направив в один из узких переулков.

— Вы здесь уже были? — спросил я.

— У вас шнурки развязались, — сказал он.

Я посмотрел на ботинки — и правда.

— Подождите, я сейчас...

Стал зашнуровывать обувь, а когда закончил, увидел, что ветеринара нет. Огляделся вокруг — нигде нет. Одни стены и узкие двери, и такие же стреловидные окна с резными рамами на витражах.

— Эй, — крикнул я, — где вы?

Только эхо и тишина.

Должно быть, уже убежал. Я пошёл дальше — ни поворота, ни одной открытой двери. Тупик. Лишь небо сияло утренней ясностью в прямо-

угольном окошке из башенных шпилей и крыш домов. Они кружились, и небо кружилось. Я прислонился к одной из стен — нужно было понять, где море. Но вокруг — только стены, бесконечные лабиринты оборонительных крепостей...

— Вам помочь? — послышался голос откуда-то справа.

— Кто здесь? — огляделся я.

Из открытой двери безлюдного дома протянулась белая рука с тонкими пальцами и таким же запястьем.

Я пожал руку в белой перчатке.

— Хорошо, что вы приехали, — сказал человек.

— Я? — Я не отводил взгляд от темноты помещения, из которого на меня смотрели только белоснежные белки тёмных глаз.

— Вы, — сказал он. — Я вас ждал, все вас ждали.

У меня похолодело внутри.

— Вы, наверное, ошиблись... — Я отстранился.

— Как я мог ошибиться, если вы сами пришли ко мне?

— Но я не приходил.

— Все так говорят...

Улыбнувшись, незнакомец наконец вышел из сумрака. Он уже не был столь белым, каким казался секунду назад. Цвет лица идеально ров-

ный, как и все линии, обводящие его силуэт. Он и сам был будто рисованный: волосы пепельно-белые, глаза почти чёрные с жёлтым ободком вокруг; по височным впадинам проходили змеевидные вены, просвечивая сквозь пергаментную кожу висков.

— Меня зовут Норах, — представился он.

— А меня...

— Я знаю, — перебил незнакомец.

— Знаете?

— И я даже знаю, зачем вы пришли.

— Не думаю, что...

— Вы пришли избавиться от боли.

Я не мог проронить и слова.

— Каждый, кто приходит ко мне, хочет либо обрести что-то, либо расстаться с чем-то.

— Не понимаю, о чём вы...

— Я помогу вам. — Он подошёл ближе.

— С чего бы? — испугался я.

— С того, что вы поможете мне.

Я хотел отойти от него, но не мог сделать и шага, будто что-то держало меня, будто это он меня держал, просунув свои белые руки в самое моё нутро.

— К сожалению, у вас нет другого выхода...

Тот, кто назвался Норахом, говорил тихо и размеренно; белизна его лица ни на секунду не покрылась ни румянцем, ни морщинами. Мне не хватало воздуха, я расстегнул ворот рубашки.

– Задыхаетесь? – спросил он. – Нет ничего хуже смерти от удушья. Как считаете?

Я никак не считал. Я не знал, как избавиться от этого типа.

– Ты не просто умираешь, – продолжал он, – ты чувствуешь, как умирает твоё тело, примерно так же, как и вы это чувствуете два раза в день уже более семи тысяч дней.

– Откуда вы?..

– Это немало, не правда ли?

Я посмотрел вверх. Небо затянулось тучами. Теперь весь воздух пропитался холодом, тем самым холодом, который исходил от него.

– Красивый остров, не правда ли? – вдруг спросил Норах как ни в чём не бывало.

– Правда, – согласился я, – очень красивый. Маргарет сказала, море всех лечит...

– Она права.

– Вы её знаете?

– Вы же сами о ней заговорили.

– Когда?

– Только что.

Я отступил назад. Этот человек, или кем он там был, вроде как отпустил меня, и я мог бежать. Я бежал до самого моря, уже слыша и всплески наступающих волн, и крики парящих над ними чаек. На секунду они показались мне чёрными, но потом вновь побелели. Горластые птицы призвали дождь. Ливень обрушился плот-

ной стеной. Я весь вымок до нитки, пока бежал. Дома, часовни, стены крепостей, до того просто серые, стали чёрными от дождя. Казалось, я ходил по кругу, сворачивая в одном и том же месте и выходя не туда. Людей на улице не было вовсе, они будто все испарились в секунду. Не знаю, сколько времени прошло, когда я нашёл свой отель. Ветер усилился, я еле открыл тяжёлую дверь, взбежал по лестнице, меня трясло и тошнило, разболелись виски... Ещё было не время, я взглянул на часы: без пяти минут шесть.

Куда делся весь день?

Дверь в номер открыта. Зашёл. Никого. Только распахнутое окно с треском билось о каменные стены, пропуская дождь и крики охрипших птиц. И колокол. Всё ближе и ближе. Я слышал его.

Очнулся в семь. Я лежал на полу, завернутый в ворсистый ковёр, голова под кроватью, упёрлась в наш чемодан. Только Маргарет могла меня успокоить. Без неё я не знал, где себя обнаружу — на пороге двери, распластанным в ванной, у унитаза или укутанным в пыльный ковёр, как сейчас. Я выкрикнул её имя. Никого.

Ступени шатались под моими ногами, когда я спускался на первый этаж. Люстра слепила глаза, лампы нещадно били в лицо; я оступился, чуть не слетел. Скрипнул стул консьержа.

— Вы в порядке, месье?

Он видел, что я не в порядке, но виду не подавал. Наверное, думал, что пьян.

— В котором часу она вышла? — еле вымолвил я пересохшим после приступа ртом.

— Простите, месье...

— В котором часу она ушла?

— Ваша девушка? Она не выходила.

— Не выходила?

— Ну, я, конечно, мог не заметить, но, скорее всего, нет.

Я еле стоял на ногах, держась за стойку консьержа.

— У меня мигрень, — сказал я.

— Ох, я думал, инфаркт...

— Вы знаете, где снял номер тот господин?

— Какой господин?

— Тот, что приехал вчера под ночь и заснул у вас на диване.

— Бог с вами, месье, мы не разрешаем спать в холле.

— Вы же сами не пустили его в номер.

— Не пустил? — удивился консьерж.

— У вас были заняты все номера.

— Да половина свободных!

— Почему же вы его не пустили?

— Кого не пустил?

— Потому что он пьян?

— У нас многие бывают пьяны, — он развёл

— Он ещё воняет животиной.

— О ком вы говорите, месье?

— О человеке лет пятидесяти. Он доктор, то есть ветеринар, лечит лошадей и много пьёт, и вчера он заснул на этом диване.

— Никто вчера здесь не спал...

— А проснулся под ним.

— Быть такого не может. — Консьерж надувал огромные ноздри. — На полу в нашем холле никто не спит, это вам не ночлежка.

— Я сам видел.

— Видели? — Он выпучил глаза.

— И вы тоже спали.

— Я мог прикорнуть...

— Кем был тот человек?

— Я не знаю, о ком вы...

— Он приходил вчера к ночи.

— Я каждого провожаю в номера.

— Вы хотите сказать, он пришёл рано утром и просто так завалился за диван?

— Только если на пару минут, иначе я точно увидел бы.

— Вы же спали, чёрт вас дери!

— Не больше пары минут.

— Лет пятидесяти, ветеринар...

— Прошу прощения, мне нужно работать.

4

ГЛАВА

— «По подозрению в поджоге лесоохранной зоны вчера был задержан...» — опять затрещало радио.

— Чёртовы помехи, — вздохнул владелец отеля и ударил по приёмнику, отчего тот захрипел ещё громче, — ничего невозможно разобрать. На этом острове не связь, а чёрт знает что.

— Прощу вас, вы могли бы уже заняться моим вопросом? — Напротив владельца отеля стоял тот самый постоялец, которого он сам же заселил день назад.

— Пожалуйста, говорите помедленнее, я не успеваю за ходом ваших мыслей. — Хозяин отеля выключил радио.

Суетливый господин заходил из стороны в сторону по хорошо обставленному кабинету, что был, пожалуй, гораздо лучше и больше всех номеров в этой гостинице. Почему «пожалуй»? Потому что господин снял самый лучший номер, как было означено в буклете, который ему

вручили при входе в гостиницу ровно день назад. Ровно сутки назад всё было как нельзя лучше. Он высадился на берегу Сен-Мало и пошёл вдоль центральной улицы, надеясь снять приличный отель. Все приличные отели, как оказалось, были заняты, и, как оказалось, нужно было звонить заранее и бронировать их, чего месье Бёрк почему-то не сделал. Ах, да, был не сезон. Летом он ещё подумал бы об этом, но поздней осенью... Кто ездит на море осенью? Ветра такие, что только дома сиди... Все и сидели, в каждом из домов. На улицах никого.

— Всё занято, месье. — Он слышал эту фразу уже десятый раз за сегодня.

Чемодан его легче не становился, а ещё портфель, который он даже на стойку регистрации поставить не мог — не дай бог забыть. Потом разве найдёшь, когда все как один дома...

В одной из подворотен его встретил высокий человек в белых перчатках, спросивший, не надо ли чего. Так и спросил, а господин так и ответил, что надо бы уже хоть где-нибудь заночевать. Так незнакомец проводил его до отеля, представившись другом владельца. Месье Бёрк же представился доктором.

— Я так и подумал, — сказал незнакомец.

Господин не спросил почему. Он любил говорить всем, что доктор, хоть и никого не лечил.

— Вам что-нибудь нужно в номер? — спросил владелец отеля.

— Чашку кофе и письменный стол.

Доктору нужно было работать, потому он и приехал на остров.

Его поселили в лучший номер на втором этаже гостиничного дома; на первом было слишком шумно, в подвале располагался бар, где постояльцы отмечали приезд и отъезд. В номере всё как полагается: кровать, шкаф и письменный стол; кресло было высоким, с похожим на подушку одутловатым подголовником. В таком кресле приятно было сидеть, за таким столом можно хоть вечность работать. Доктор задвинул чемодан под кровать, а портфель положил на стол. В нём было всё — несколько лет теоретической работы и почти год практического исследования. Об открытии доктора скоро напишут все научные журналы, будут гудеть все сообщества в узких и даже широких кругах. Но это пока лишь теория; на практике же он доказал даже большее, что сейчас нужно было зафиксировать в новой работе и научной статье. Разложив все записи перед собой, доктор принялся за работу — читал и зачёркивал, переписывал, складывал законченное в отдельную папку, завязывал её на шнурок, после, что-то вспомнив, развязывал и снова проходил по записям. Перечитывал, зачёркивал, переписывал, добавлял — и так

до самой полуночи не вставал из-за стола, где и заснул.

Когда же доктор проснулся, то обнаружил, что на столе ничего нет, никаких записей — ни черновых, ни самой работы по его исследованию, треть которой он уже написал.

— То есть вы хотите сказать... — встав из-за стола, произнёс владелец отеля, которого доктор прождал всё утро, до этого разворотив весь номер и даже забежав в два соседних. — Вы считаете, уважаемый, что ваши записи украли?

— Я полагаю... — Доктор трясся.

— Случайно, не я?

— Надеюсь, что нет.

— Ну, знаете ли, это какой-то абсурд. Вот если б вы, к примеру, пришли ко мне и сказали, что пропали ваши часы или деньги, то я ещё поверил бы; но записи... Простите, что вы писали?

— Научную работу.

— Тем более, кому она нужна?

— Может, произошла какая-то ошибка...

— Скорее всего, так и есть; скорее всего, никаких бумаг вы с собой и не привозили.

— То есть как это — не привозил?

— Хотите сказать, привозили?

— Да я же писал только вчера! Я привёз с собой журнал исследований, я работал целый год, приехал сюда, в это тихое место...

— А место у нас действительно тихое...

— ...чтобы доделать всё и получить наконец патент, но все мои труды бесследно пропали!

— Очень интересно... Как же так?

— Это я у вас хотел спросить!

— У меня? Я ведь даже не видел, что у вас были какие-то записи, понимаете?

— Но вы встретили меня вчера...

— Встретил.

— Проводили в номер.

— Проводил.

— У меня были чемодан и портфель.

— Были.

— Вот! А в портфеле — мои бумаги.

— Вот этого я, простите, не видел.

— Да что же это такое! — Доктор аж подпрыгнул.

Ещё немного, и он закатил бы истерику или вцепился бы этому управляющему в глотку; ещё немного, и он разнёс бы здесь всё. Такого равнодушия доктор никогда не видел, такой безответственности никогда не встречал; ещё немного, и он, и он... так и не сделал ничего. Только стоял, покачиваясь, раздувая покрасневшие ноздри на таком же покрасневшем лице.

— Вы слишком волнуетесь, доктор.

— Да неужели? С чего бы это...

— Но у меня нет причин не доверять вам, — вдруг сказал владелец отеля. — Если вы говорите, что бумаги были, значит, они были.

— Совершенно верно!

— Если вы говорите, что они ценные, значит, они ценные.

— Так оно и есть.

— Но вот вы говорите, что их украли, а с этим я согласиться никак не могу.

— Но не придумал же я это всё! — крикнул доктор, и голос его сорвался со связок, как со старых скрипучих петель.

— А не заходила ли к вам наша горничная? — Управляющий посмотрел на него исподлобья, будто что заподозрил.

— Горничная? — Доктор задумался. — Нет, я не слышал.

— Но вы же спали.

— Я встаю в семь утра.

— Вот видите, она могла прийти и пораньше...

Управляющий отелем нажал кнопку вызова на стационарном телефоне.

— Да-да, — раздалось из хриплого динамика.

— Пусть Люсинда зайдёт ко мне.

— Хорошо. — Трубку повесили.

— Вы думаете, она могла? — взволновался доктор.

— Могла что? — не понял владелец.

— Украсть мои документы.

— Что вы, это никак невозможно, она ещё никогда ничего не крада.

В дверях показался передник.

— Люсинда, пройди-ка сюда, — подозвал её хозяин отеля. — Ты сегодня в номерах убиралась?

— Только на первом этаже, — совершенно спокойно сказала Люсинда.

Она посмотрела на доктора, обвела его с ног до головы смеющимся взглядом и вроде как ухмыльнулась.

— А на втором, значит, нет?

— Я всего не успею, разве можно успеть обойти столько номеров? Сначала зайти к месье Марсо — а он, знаете ли, тот ещё постоялец, распрошит все подушки, да так, что перья по всему номеру, разворотит все простыни, а потом скажет, что так и было...

— Ох, у месье Марсо ночные кошмары, — сказал хозяин отеля и посмотрел на доктора, будто ожидая от того какого-то участия.

— Я доктор наук, — сказал доктор.

— А, я думал, вы настоящий, — с сожалением вздохнул владелец отеля.

— Но я и есть настоящий!

— Нам бы здесь доктор не помешал. Никак, знаете ли, не угадаешь, кто здоров, а кто нет...

— Потом, эта девушка, — продолжала Люсинда.

— Я извиняюсь, — не вытерпел доктор, — но какое отношение это имеет ко мне?

— Если вы не доктор, то уже никакого, — владелец отеля развёл руками.

— Значит, вы не заходили в мой номер? — Бёрк решил опросить горничную сам. Ему вдруг показалось, что где-то он её уже видел, но вот не мог вспомнить где. — Простите, как, вы сказали, вас зовут?

— Я ничего не сказала, — горничная посмотрела на него.

— Она ничего не сказала, — подтвердил хозяин отеля. — Это я сказал.

У доктора помутилось в глазах.

— Так вы там были? — переспросил директор.

— Где был? — Доктор Бёрк тёр виски.

— В номере с утра. Может, принимали душ?

— Был, в самом номере, но душ не принимал.

— Нет, вас я точно не помню, я же сказала, что убиралась на первом... — Люсинда уже теряла терпение.

— Хорошо, можешь идти, — отпустил её хозяин отеля.

Горничная развернулась, скрипнула туфлями о потёртый паркет и быстро скрылась за дверью. Доктор сел на стул и схватился за голову.

— Послушайте, месье, — наклонился к нему хозяин отеля, — как, простите, вас зовут?

— Андре Бёрк.

— Месье Бёрк, — он положил руку ему на плечо, — иногда какие-то вещи не зависят от нас; они просто происходят, и всё. А некоторые не происходят, и это тоже от нас не зависит.

— Вы хотите сказать... — Доктор поднялся со стула, будто возвышаясь над этим человеком, хотя был на голову ниже его. — ...Вы хотите сказать, что мои исследования, мои записи бесследно пропали в вашем чёртовом отеле?..

— Ну зачем же вы так...

— И я должен смириться с этим?

— Поверьте, это лучшее, что вы можете сделать.

— Кто-то украл мои записи!

— Простите ещё раз, сэр, я правильно помню, что вы, когда заезжали, попросили у меня ключ?

— Попросил, — выдохнул доктор и протёр лоб.

— Вы сказали, что вам необходимо закрываться на ключ, — мол, только так вы можете работать.

— Только так...

— Номер был закрыт на ключ, месье Бёрк?

Доктор пошатнулся, владелец отеля удержал его за руку.

— Вам нужно вернуться к себе и отдохнуть. Может, вы сами куда-то спрятали свои записи и забыли об этом...

— А может, их и не было...

— Они были! — Он схватил того за грудки. — Слышите, были!

— Хорошо-хорошо. — Хозяин отеля разжал кулаки доктора. — Если вы говорите, что бумаги были, значит, они были, а то, что было, можно найти.

— И я их найду. — Доктор попятился к двери. — Слышите меня, я всё здесь переверну, но я найду. — Он хлопнул дверью. — Я найду, — бежал он к своему номеру, — найду, — раздавалось эхом по коридору...

— Он их не найдёт. — Люсинда вышла из-за двери.

— Иначе зачем он здесь, — улыбнулся хозяин отеля.

Доктор уже третий час переставлял все вещи с места на место. Отодвинул шкаф и задвинул его, перерыл письменный стол, перевернул матрас, вытащил все книги из книжного шкафа и даже посмотрел за оконными рамами. Мало ли, может, он и правда их спрятал, может, встал ночью и переложил, и теперь не помнит куда... Но он помнит, — доктор остановился, — он помнит свои записи!

— Я помню, — закричал доктор, — я почти всё помню! И если постараться, — он напрягся, сту-

ча себя по виску, — если постараться, то можно хоть часть восстановить по памяти.

Месье Бёрк мерил комнату размашистыми шагами. Нужно сесть и написать, хоть что-то написать, пока это что-то ещё есть в его голове. Он чувствовал... он не хотел себе признаваться, но чувствовал уже пару дней, с тех самых пор как сел на тот корабль, что с ним что-то не так. Что-то с его памятью. Ему казалось, что люди, которых он видел впервые, уже где-то ему встречались. Эта горничная, он точно где-то её видел, что-то знакомое было в её лице... Доктор схватился за голову. Ну, один раз показаться могло. Один раз, с кем не бывает, мало ли похожих людей... но чтобы два! Да, горничная была второй. Первым был сосед по каюте. Месье Бёрк не только лицо его помнил, он помнил и запах; несло от того знатно, потом и спиртом. Сосед пару раз заходил в его каюту, спрашивал, как дела, улыбался и уходил. И оба раза доктор вздрагивал. Ему вдруг почудилось, что не только он знал этого человека, но и человек его знал. Больно странной была его улыбка: она будто говорила: «А вот и ты!»

— Но это не важно, — доктор встал, — абсолютно не важно. — Он списал всё на качку. — Нужно действовать, нужно что-то предпринять!

Бёрк открыл портфель, достал пару листов и стал писать. «День первый, — написал он, —

что же было в первый день... пациент... пациент чувствует себя хорошо...»

Через пять часов он отодвинул себя от стола — кресло вместе с ним отъехало на полметра, — запрокинул голову на кожаный подголовник и уставился в потолок. На столе лежала гора нетронутых чистых листов бумаги, и только один был исписан до середины. Доктор не вспомнил почти ничего.

5

ГЛАВА

Я пишу это письмо, зная, что скоро всё закончится. Всё, что происходит сейчас, – невыносимо, и если только смерть есть избавление, так пусть она избавит меня. Прошло немало времени, если его можно счесть, я так устала считать дни, они бесконечны, и нет сильнее боли, чем переживать всё снова и снова... Дорогая мадам Лоран, если это хоть как-то поможет вам, нет, не так (зачёркнуто), если это хоть как-то утешит вас, знайте: не было и дня, когда бы я не проклинала себя.

P.S. Кто-то из нас должен был решиться на это первым, так пусть это буду я.

Ребекка положила ручку в футляр и захлопнула крышку. Ещё раз пробежалась по письму. Бумага дрожала и просвечивала; она была такой хрупкой и тонкой, как и её жизнь сейчас. Стоило написать пару строчек и Фабьену, но на это уже не хватало времени. Они скоро поднимутся к ней, и тогда не будет другого шанса – придётся дожидаться завтрашнего дня, а ещё одной ночи, полной кош-

маров и стенаний, она не вынесет. Ребекка услышала шаги, медленно ступающие по лестнице. Так грузно ступал только Фабьен. Ничего, пока он минует двадцать ступеней, пройдёт целая вечность. Ребекка подошла к прикроватной тумбе и выдвинула ящик. На неё смотрел чёрный револьвер. Раньше Фабьен стрелял из него по птицам — там, где они жили, было много птиц. Она не знала, кто положил его сюда, но это уже не имело значения. Барабан был полностью снаряжён.

Месье Лоран поднимался по высокой лестнице, останавливаясь каждые четыре ступени. Одышка подходила к горлу, душила его, не давала сделать и лишний шаг. Когда-то он мог целыми днями гулять по лесу, палить по воронам и почти не уставать. Теперь же не было ни леса, ни птиц, одна проклятая лестница...

Набрав в грудь воздуха на ближайший пролёт, Фабьен поплёлся наверх. Ребекка не спустилась в бар, и он уже знал почему, он всегда это знал и никогда не был готов. Пора бы уже привыкнуть, но разве к такому можно привыкнуть? Перила шатались под тяжестью его грузного тела, ступени скрипели при каждом шаге; Фабьен остановился отдышаться, захрипел глоткой, откашлялся, но ровнее не задышал. Схватившись за шаткие перила, он тянул своё дряхлое тело, тянул и поднимал его на второй этаж. Он почти

дошёл. Вон уже дверь Ребекки в самом конце коридора, вот и ступеней почти не осталось, только последняя на самом верху... Знакомая дрожь остановила Фабьена, пробежала по телу, от тмени до пальцев ног, свела мышцы, оцепила его всего. Он опустил голову на перила, отдышался; в глазах потемнело, голова закружилась, так бывает, скоро пройдёт...

Фабьен открыл глаза и чуть не споткнулся — у самой лестницы играл ребёнок. Он чувствовал, он знал, что встретит его опять.

— Ты же сейчас упадёшь, — сказал Фабьен, любуясь мальчишкой. — Лестница крутая, видишь, какая высокая, нельзя здесь играть.

Мальчик встал и, с хитрым прищуром посмотрев на Фабьена, пошёл вниз.

Месье Лоран провожал его взглядом.

— Пойдём со мной, — обернулся вдруг мальчик.

— Я не могу, — Фабьен не сводил с него глаз, — мне нужно...

За дверью Ребекки прогремел выстрел. Прихрамывая и задыхаясь, Фабьен побежал к её комнате. Схватился за ручку, оглянулся на лестницу — мальчишка уже ушёл. Будто его и не было вовсе.

Официантка в длинном платье с рюшами, волной спускавшимися книзу, протирала пыль с барной стойки. Посетителей не убав-

лялось — казалось, этот бар мог растягиваться вширь. Из официантов только она и Фабьен, дочь её ещё не спустилась, но Фабьен — она окинула взглядом толпу — как под землю провалился.

— Всё приходится делать самой, — ворчала она.

— Простите, — сказал еле слышный голос.

Женщина обернулась.

— Простите, что отвлекаю вас, — повторил доктор, — понимаете, тут такое дело, полнейший абсурд, но всё же, но всё же это произошло, а мне никто не верит. — Он бегал суетливыми глазками под толстыми линзами больших очков. — Они думают, я псих, директор отеля и горничная, они думают, я не в себе...

Ирен кивала. Она тоже так думала — и даже не пыталась это скрывать. Этот доктор уже третий день искал свои записи, третий день обыскивал номер, переворачивал всё; он хотел обыскать и другие, но Люсинда не дала ему ключи.

— Я им сказал, что приехал сюда поработать, понимаете, это тихое место, — он осмотрелся вокруг, — нет, не именно это, а в целом весь остров. Я приехал в свой отпуск, я хотел дописать... Но бумаги пропали — и, самое страшное, я не помню, что именно писал, ничего не могу вспомнить...

Доктор прищурился, снял очки, достал платок, протёр линзы, положил платок, надел очки.

— Простите, мы нигде раньше не встречались? — спросил он, глядя на Ирен.

Мадам Лоран оглядела его с ног до головы, задержала взгляд на покосившемся галстуке и смачном пятне на рубашке, вздохнула и покачала головой.

— К счастью, нет, — соврала она, — не встречались.

— Так о чём это я, — продолжил доктор, — может, вы их нашли?

— Нашла что? — не выдержала Ирен.

— Мои бумаги...

Она хотела сказать, где ему искать свои бумаги и куда бы уже пойти, но с лестницы спускался Фабьен; он что-то вопил, как всегда задыхаясь.

— Ирен, — он не мог отдышаться, — простите, любезный, — отодвинул доктора, — Ирен, тебе нужно подняться наверх.

— Что-то случилось? — вмешался тот.

— Нет, пожалуйста, — замахал на него Фабьен, — идите себе куда шли, идите-идите...

— Я искал свои бумаги...

— Да идите вы уже! — крикнула на него Ирен. — Чёрт тебя подери, Фабьен, почему ты всё время мямлишь? Ты можешь сказать, что случилось?

— Дорогая, — посиневшими губами пролепетал он, — тебе лучше подняться наверх.

— Да что с тобой?

— Случилось, случилось...

— С-с-с... л-л-л... никакого толку от тебя! — Ирен бросила тряпку на стойку бара и пошла к лестнице. Фабьен, кашляя и задыхаясь, еле поспевал за ней.

— Если вы найдёте мои бумаги!.. — крикнул им вслед доктор.

— Идите к чёрту, любезный, — выплюнул Фабьен.

В комнате стало свежо и прохладно, ветер гулял по волосам Ребекки, по её ещё тёплому телу, поглаживая хрупкие руки и умиротворённое белое лицо. Окна хоть и были распахнуты настежь, запах крови никуда не уходил.

— Как я устала каждый раз отмывать эти полы и застирывать платья, Фабьен, — ворчала Ирен, выжимая тряпку. — Теперь твоя очередь. — Она вытирала красные капли возле кровати.

— Моя? — Месье Лоран отшатнулся от тела. — Ты же знаешь, как я боюсь крови!

— А чего ты не боишься, Фабьен?

— Господи, Ирен! Это труп твоей дочери! — Он еле сдержал рвотные позывы.

— Тебя каждый раз будет тошнить? Мне ещё и за тобой чистить? — Она убрала с лица дочери окровавленные кудри.

— Я говорил тебе, что надо ей сказать! Лучше сказать, Ирен! Я этого больше не вынесу, — взвыл Фабьен, — я скорее сам застрелюсь.

— От тебя дождёшься, как же...

— Знаешь, — он перешёл на шёпот, — я опять видел его. Он сидел на лестнице и играл, а потом позвал меня за собой, и я сказал, что не могу...

— Это я уже не могу! — Ирен расстёгивала платье на дочери. — Помоги мне переодеть её и перенести в ванную.

Платье сняли, Ребекка осталась лишь в нижней сорочке. Ирен осмотрела её.

— Бельё в порядке, нужно только простирнуть платье и помыть ей волосы.

— Сколько это ещё будет продолжаться, — трясся Фабьен, — она же должна понимать...

— Она ничего никогда не поймёт. Норах сказал, это последнее, чего она хотела.

— Но почему мы не знали?..

— Это я должна была всё знать? Ты хочешь сказать, это я виновата?

— Не начинай, прошу тебя! — Он схватился за голову. — Если тебе будет легче, это я во всём виноват.

— Мне не легче.

— Послушай, Ирен, надо объяснить ей, надо попытаться...

— Чтобы она совсем с ума сошла?

— А так по-твоему лучше? — Он вылупил на неё.

— Так она хотя бы ничего не помнит. Мы ни-

— Мы можем убрать револьвер! — Фабьен поднял оружие дрожащими пальцами.

— Мы, по-моему, с тобой уже решили, что лучше так, чем по-другому. — Ирен включила воду, постепенно наполнявшую ванну, окрашиваясь в красный цвет. — Или ты забыл, что было месяц назад?

Фабьен не забыл. Он очень чётко помнил, как под окнами их спальни собралась толпа зевак. Ребекка тогда выбросилась из окна. Слава Господу, что они с Ирен успели затащить её тело к себе до приезда жандармов. А когда те всё же вломились к ним, сказали, что девушку уже забрали медики. Наутро полиция обзвонила все госпитали и морги, но Ребекки, естественно, не было ни в одном. Вернувшись к ним, они с удивлением увидели живую Ребекку, пусть и немного уставшую. После таких ночей она всегда просыпалась без сил. Директор отеля уверял полицию, что всё в безусловном порядке, что никакого самоубийства в его отеле не было и быть не могло. Это абсурд, полнейший абсурд, говорил директор, а девушка была просто пьяна и валялась под окнами; её родители, мол, были тоже не в себе, потому и молили всякую чушь...

Они помыли Ребекке волосы и уложили на чистую постель. Ирен забрала с собой грязное платье и вышла из комнаты.

Пока её не было, Фабьен и не взглянул на Ребекку, он не мог на это смотреть. К смерти невозможно привыкнуть, думал он, даже если видишь её тысячу раз. Вдруг за дверью кто-то пробежал; шаги быстрые, мелкие. Фабьен обернулся — только сандалик сверкнул в дверях. Месье Лоран вздрогнул, припал к окну и закрыл глаза рукой.

— Ты опять плачешь, Фабьен? — В комнату вернулась мадам Лоран с новым платьем и принялась расстёгивать на нём пуговицы.

— Я опять видел его, Ирен, — сказал осипшим голосом Фабьен. — Он преследует меня.

— Даже не говори мне об этом, не начинай. Мне хватает её, — она кивнула на дочь, — ещё и тебя я не вынесу.

Фабьен попятился к двери — от запаха крови его постоянно мутило.

— Вот и всё, — она положила новое платье рядом с Ребеккой, — словно и не было ничего. — Погладила волосы дочери.

— Мы так и будем жить, Ирен, делая вид, что ничего не случилось? — обернулся на неё Фабьен.

— А ты ещё не привык? — И она выдала какую-то горькую, несвойственную ей улыбку.

6

ГЛАВА

Я бродил по Сен-Мало до полуночи, ища тот проклятый дом. Все они были как один, и никакой не запомнить: серые и тёмно-серые, с каменной кладкой и белыми окнами, с высокими арками и маленькими балконами, с покатыми крышами и флюгерами на них. Лавки — посудные, кондитерские, сувенирные... Узкие улочки, старые лестницы, невысокие домики в три-четыре этажа... Каким же был тот дом? Я ничего не помнил, ничего, кроме белых перчаток и такого же белого лица. Чего он хотел от меня? Почему от меня? Почему моя Маргарет?

— Почему бы и нет, — сказал тот же голос.

Он стоял напротив, всё такой же, каким я его и запомнил.

— Хорошо, что вы пришли, — он протянул мне руку.

Я не ответил.

— Ваше право, — он улыбнулся.

— Где Маргарет? — спросил я.

— Не с вами?

— Нет.

— Вы уверены?

— Вы же знаете, что уверен!

— С чего мне знать?

Удивительно, но лицо это было настолько степенным, что не выдавало никаких эмоций; даже вопросы его звучали не вопросами, а утверждениями. Он только и делал, что соглашался со мной, отчего ещё больше злил.

— Пока я не встретил вас, она была рядом. — Я подошёл к нему.

— Может, она и сейчас рядом, просто вы не видите её? — Человек снова улыбнулся.

Он что-то знал, точно знал — и издевался надо мной. Чёртов псих... Я не мог понять его взгляд; он вроде как изучал меня, оценивал, примерял на меня что-то...

— Что вы сделали с Маргарет? Зачем она вам?

— Мне — незачем, — сказал он совершенно спокойно. — Люди теряются, друг мой.

— Я вам не друг, — я разжал дрожащие кулаки, чтобы ненароком не врезать ему.

— Это не вам решать.

Уголки его рта слегка приподнялись; он надвинул широкую шляпу на свой ровный и длинный нос и указал мне вперёд, будто там видно было, куда идти. Ни одного фонаря не горело на этой проклятой улице.

— Сегодня на острове перебои с электричеством, — сказал он, — глупые чайки поджарились на проводах. Вы когда-нибудь видели, как падают сгоревшие птицы?

— Нет, не видел.

— Они какое-то время ещё сидят на проводах, а через миг, как куски угля, падают на землю, поднимая своей чёрной тушкой такой же чёрный клуб пепла. Вы не были в лесу после пожара?

— Не был.

— Ваше счастье. Пройдёмте.

Мы пошли, только вот я не видел куда. Я ступал осторожно, боясь наткнуться на спящих бродяг или мерзких крыс, на что-либо спящее, — я не любил темноты. Было слышно, как кто-то шерудится по углам подворотен и пищит; я боялся этих тварей до жути.

— Не бойтесь, почти пришли, — сказал незнакомец.

Через пару метров мы уткнулись в массивную дверь. Он потянул её на себя. Та закрипела, но поддавалась, не сразу, нехотя, с тугим стоном прожжавевших петель; дверь отделяла себя от каменной кладки проёма.

Темнота, такая же, как и снаружи.

Этот незнакомец... Как же его звали... Норах. Он взял что-то со стены и чиркнул спичкой; свеча затлела, испуская чёрный взвивающийся

дым. Норах нёс чугунный подсвечник, освещающая мне путь.

Вниз вела длинная лестница, крутая и мелкая, как раз чтобы удобнее было упасть. Я ступал боком, только так мои ноги не соскальзывали со ступеней. Одну за другой, одну за другой я перешагивал их, пока не спустился в подвал.

Это был бар или что-то вроде того. Обычная пивнушка с толпой людей. Все они разом посмотрели на меня. Тот, кто пил, оставил бокал, кто докуривал, обжёгся подступившим к пальцам тлеющим пеплом. Замешательство их длилось недолго, пока Норах не посмотрел на них. Тогда они продолжили пить, ударяя кружки о кружки, роняя пену на деревянный стол; сигары дымились и тлели, гогот и смех отлетали от стен. Я искал глазами Маргарет, всматриваясь в женщин.

— Её здесь нет, — сказал Норах, — пойдёмте присядем.

— Откуда вам знать? — Я не унимал нарастающей злобы. — Вы же не знаете, где она!

Норах выбрал ближайший столик.

— Если б я не знал, — равнодушно сказал он, — то не предложил бы вам вернуть её, не так ли?

Он придвинул под собой стул, я сел рядом.

— Что вы сделали с ней?

Норах будто не услышал вопрос. Единственное, чего мне хотелось, это вцепиться в его глот-

ку; единственное, что удерживало меня, — мысли о ней.

— Я предлагаю вам сделку, — не замечая моего гнева, сказал он.

— Идите вы знаете куда!

— Мы пойдём, но не сразу. — Норах улыбнулся. — Не злитесь, прошу вас. Злость мешает нам думать.

— Вы похитили её? — Я встал из-за стола, с грохотом отодвинув стул.

В баре все замолчали и опять посмотрели на меня.

— Вы любите пиво? — как ни в чём не бывало спросил Норах.

Бар опять загудел. Я огляделся по сторонам. В дрожь бросало от этого места. Волнение скрутило живот, поднялось до груди, застряло у горла.

— Что это за место? Что здесь вообще происходит? — Мне казалось, все взгляды устремлены на меня; даже общаясь друг с другом, все эти люди будто подсматривали за мной. — Я сообщу в полицию.

— Сообщайте... Официант. — Он поднял руку.

На стол перед нами грохнули большие кружки, наполненные доверху пивом; по стенкам стекла хмельная пена.

— Вы пейте-пейте, — подталкивал Норах.

Я отхлебнул.

Официантка не двигалась с места, она буквально уставилась на меня. Прилипла своим испытующим взглядом и не отходила. Норах показал ей, чтоб ушла. Отмахнулся от неё, как от мухи. Та отошла, но не так далеко — встала возле барной стойки и всё так же сверлила меня взглядом.

— Почему она так смотрит на меня? — спросил я.

— Да кто ж её знает... — Он отпил из кружки и причмокнул.

— Может, ей нужна помощь?

— Может, и нужна; оставьте ей побольше чашевых.

— Почему вы выбрали меня?

— Вы можете мне помочь.

— Я даже сам себе помочь не могу. Сегодня я очнулся под кроватью, завёрнутый в пыльный ковёр, как какой-то пьяница или забуддыга, не дошедший до постели.

— Я в курсе всего, что с вами происходит. Я предлагаю вам игру.

— Где Маргарет?

— Хотите увидеть её?

— Да кто вы, чёрт возьми?

— Я тот, кто поможет вам. Разве не для этого вы сюда пришли?

— Мне не нужна ваша помощь.

— А Маргарет? Ей тоже не нужна моя помощь?

Норах резко встал и направился к выходу. Я опрокинул стул и побежал за ним. Бар опять заглох, а после вновь включился. Мелкие ступени то и дело валили меня с ног, я сбился со счёта, сколько раз оступился. Норах же шёл невозмутимо; он и не смотрел под ноги, а только возносил своё статное тело над этими развалинами. Скрип двери, запах прохладной полуночи... Темень поглотила все улицы. Непроглядная и холодная, она проникала в меня. Норах не сбавлял шаг. Мне пришлось уже бежать за ним.

— Где Маргарет? — кричал я ему.

А он всё так же шёл, несбивчиво и ровно. И лишь сверкнул лапами своего пальто, зайдя за угол ближайшего дома.

— Подождите! — крикнул я.

Но Норах даже не замедлился. Мы обошли дом и завернули в узкий переулок; я наткнулся на мусорные баки и какие-то корзины с бельём. Жилой квартал — целый лабиринт, непроходимый в одиночку. Мне казалось, этот человек видит в темноте — иначе как он уворачивался от всего, на что наткнулся я? Наконец узкие стены прилегавших друг к другу домов вывели нас на широкое поле, по периметру которого лишь высились стены уходящих вдаль крепостей.

Норах остановился у одной из них. Старинная крепость походила на форт, длинный и замкнутый, обороняющий город. На башнях его

не хватало стрелков, а у подножия — покатога рва. Окна форта смотрели на нас; в них было так же темно, как и снаружи, только светлые рамы выбивались из черноты.

— Не хотели бы вы сыграть со мной в одну игру? — спросил Норах.

— Сейчас не до игр, мне нужно увидеть Маргарет.

— Хорошо. — Он улыбнулся. — Нужно? Смотрите!

И перевёл взгляд на крышу форта. Я посмотрел туда же. В одном из высоких окон башни, у самого края стояла Маргарет. Она пошатывалась от ветра — вперёд-назад, вперёд-назад.

— Господи, Маргарет... — Я хотел закричать, но боялся её напугать. — Остановите, — еле вымолвил я, — остановите её!

— Кто, я? — удивился Норах. — Я не могу исполнить два желания за день... Одно я уже исполнил, — он указал на неё, — вы же хотели её увидеть, не так ли? Так смотрите, кто вам мешает...

Маргарет была словно прозрачная, её босые белые ступни упирались в выступ окна, тонкие руки держались за раму.

— Зайди обратно, — шептал я ей, — зайди обратно...

— О, она вас не услышит.

Марго наклонилась, её платье зацепилось за раму; она обернулась, одёрнула его, посмотрела

вниз и увидела меня. Я хотел крикнуть, но она шагнула вперёд и камнем полетела на землю. Глухой грохот стоял у меня в ушах. Она, словно сломанная кукла, лежала на траве.

Я кричал и бежал, рыдал и падал, я повторял её имя и проклинал весь мир, я ненавидел себя, её, этот остров, эту жизнь... Я добежал до неё. Какая она маленькая и хрупкая... Я склонился над ней; через слёзы ничего не было видно, всё плыло и качалось, предательский тремор не давал прикоснуться к её волосам.

— Маргарет, моя бедная Маргарет, — шептал я, даваясь слезами.

Дотронулся до её платья, до груди и до шеи, руки мои дрожали... Что-то не то! Убрал с лица окровавленные волосы. Это...

— Что-то не так? — спросил Норах.

— Это не она! — кричал я как сумасшедший. — Не она, не она...

— Конечно, не она, — спокойно сказал Норах.

— Но вы сказали...

— Я ничего не говорил — я лишь показал, что может произойти. Вы так упрямы... — Он отошёл от тела. — С одной стороны, это хорошо. Но с другой — отнимает столько времени!

— Мне нужно к Маргарет. — Я отходил от него, от неё, от этого проклятого места. — Надо бежать с этого острова, найти Маргарет и бежать, — шептал я, пятясь от этих двоих. Спотк-

нулся о землю, повернулся в сторону порта и побежал.

— До встречи! — крикнул он мне вслед.

Я не помню, как добежал до отеля. Перед глазами всю дорогу стояла та девушка, покачиваясь, одёргивая платье и падая плашмя. Она мертва, мертва, и я ничего не мог с этим поделать.

Вбежав в холл, я разбудил консьержа, встретившего меня недоумённым взглядом.

— Всё в порядке, месье? — спросил он.

Я лишь отмахнулся.

— Может, чаю? Который час? — Он протирал глаза.

Я залетел в номер. Никого.

Ноги отяжелели, будто волокли за собою чугунные цепи. Я весь обмяк от усталости; нужно было продолжить поиски, заявить в полицию, но сил хватило, лишь чтобы рухнуть в кровать. Я расстегнул рубашку и опрокинулся навзничь, раскинув руки, как на поле боя. Ещё три часа до рассвета. Три часа, и боль настигнет меня. Я уже закрывал глаза, когда увидел кого-то в дверях. Чёрная фигура в белых перчатках смотрела на меня.

7

ГЛАВА

Покои на верхнем этаже старой крепости раньше были тюрьмой, в их стенах держали узников перед казнью; потом решётки сменили на окна, а нары убрали.

— Тебе здесь никто не помешает, — сказал Норах, открыв тяжёлую дверь. Та заскрипела противным писком, длинным протяжным зевком — и нехотя впустила.

Ребекка зашла в пустую комнату; от каменных стен пахло столетней сыростью, тёмный потолок без единой лампы. Человек, с которым она пришла, так и стоял в дверях.

— Ты сказала, что хочешь побыть одна, — сказал он, — я правильно понял тебя?

— Да, — Ребекка кивнула.

— Это отличное место, — он оглядел комнату.

— Только ничего не видно.

— Что именно ты хочешь увидеть?

— Небо, может быть...

— Небо? — Норах подошёл к окну и отдернул тёмное полотно. Через потрескавшиеся стёкла

старого окна множеством мелких звёзд играло небо.

— Спасибо, — тихо сказала Ребекка.

— Знаешь, говорят, в полночь звёзды светят особенно ярко — и особенно здесь, на этом острове. — Норах посмотрел на неё. — Думаю, тебе стоит дождаться полуночи.

— Хорошо, — сказала она, по-прежнему не поднимая глаз.

— Знаешь, Ребекка, почему люди из года в год совершают одни и те же ошибки?

— Нет.

— Они забывают, что уже совершали их. Как и ты забываешь всё, каждый свой день. — Он подошёл к ней и поправил кудрявые локоны на её висках. — Они забывают всё, Ребекка. Им кажется, они помнят, но все их воспоминания — лишь плод их фантазии; они ложны, как и сам человек.

— Я не могу забыть только один день...

Норах приставил палец к её губам.

— Знаешь, чем хороша наша память?

Ребекка молчала.

— Она бестелесна. Её невозможно убить. Нам только кажется, что она внутри нас, но это мы внутри её. Мир представлений — отдельный мир. Сначала мы строим его, и пока мы его строим, он молчит, выжидая, когда мы поставим последний кирпичик, создадим последнего человека из